

ВЛАДИМИР Д. БАРАН (Киев)

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОДИЕСТРОВЬЯ И ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ

Систематические исследования славянских памятников третьей четверти I-го тысячелетия нашей эры начались сравнительно недавно. До пятидесятих годов они не были известны, за исключением незначительного количества кладов и отдельных находок, часто не связанных ни с местами поселений, ни с могильниками. Отдельные исследователи древностей первой половины I-го тысячелетия н.э., длительное время находясь в плену устаревших представлений о неизменности материальной культуры в лесостепной полосе Украины с римского времени и до эпохи древней Руси, полагали, что такие памятники отсутствуют вообще. Все это было причиной того, что материалам, добытым С. С. Гамменко на Житомирщине, К. Гадачеком в верховьях Западного Буга в конце XIX ст., и некоторым другим до недавнего времени не находилось места среди культур I-го тысячелетия нашей эры.

В пятидесятих годах положение коренным образом изменилось. Славянские памятники VI - VII вв., без изучения которых трудно понять закономерности исторического процесса накануне образования славянских государств, стали в центре внимания археологии. Их планомерные исследования производятся сейчас исследователями многих стран Европы на огромной территории от Днепра до Эльбы и Заале и от бассейна Припяти до Дуная.

На территории Поднестровья и Западной Волыни в настоящее время известно больше сотни славянских памятников указанного времени. Многие из них (Рипнев II, Бовшев, Зимно, Незвиско, Зеленый Гай, Городок, Устье, Сокол, Каветчина, Рашков и др.) подвергнуты широкому археологическому раскопкам.

Большая работа по изучению памятников VI - VIII вв. проведена на территории Полесья и Восточной Волыни, Южном Буге и Тясмине, в междуречье Днестра и Прута. Многие раннеславянские памятники открыты на территории Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польши, Германской Демократической Республики.

Появились статьи и монографии, в которых сделаны попытки обобщения проделанной работы. Однако многие вопросы, связанные с изучением славянских памятников третьей четверти I тысячелетия еще ждут своего решения.

Рис. 1. Рашков I. Углубленные жилища 10, 11, 13 в процессе расчистки (вид с севера)

Рис. 2. Рашков I. Жилище 7 в процессе расчистки (вид с юга)

Проблематичными остаются отношения славянских памятников VI - VII вв. к более ранним древностям, определение территории, на которой складывалась раннесредневековая славянская культура, выделение ее локальных групп, вопросы датировки и др.

Следует отметить, что решение многих из них зависит не только от заполнения существующих пробелов в археологии, но и от успешных исторических, лингвистических, антропологических, этнографических и других исследований.

Славянские поселения раннего средневековья расположены на южных склонах первых надпойменных террас рек, ручьев и небольших водоемов, иногда — в пойме реки. Их топография не подтверждает мнения тех исследователей, которые считают, что славяне в середине I тысячелетия поселялись исключительно в низких болотистых местах.

Основным типом жилища является четырехугольная полуземлянка, углубленная в среднем на 0,8 - 1,30 м от современной поверхности (рис. 1 - 2). Лишь на Зимновском городище выявлены следы наземных построек, конструктивно связанных с оборонительными сооружениями. Площадь жилищ небольшая — 15 - 17 кв. м., но встречаются и маленькие полуземлянки, площадью 10 кв. м., а также довольно большие около 25 кв. м. Последние выступают в основном на поселениях VII - VIII вв. Стенки жилищ, вырезанные в материке в большинстве отвесные, пол ровный, хорошо утрамбованный, иногда подмазанный глиной. На некоторых поселениях вдоль стенок жилищ имелись выступы-„прилавки” со следами облицовки деревом. В большинстве жилищ имелись печи, расположенные в одном из углов полуземлянки. Лишь на некоторых поселениях Поднепровья в отдельных жилищах открыты очаги (Бовшев II, Зелерый Гай, Устье, Городок).

На всех поселениях Поднепровья печи были сложены с камня непосредственно на полу жилища. На поселении в Рашкове в нескольких полуземлянках, кроме печей-каменок, расчищены большие глиняные печи с мощным подом, вырезанные в борту полуземлянки. Последние своими значительными размерами выделяются среди других построек. Они несомненно имели производственное назначение. На указанном поселении в этом году нам удалось открыть целиком один производственный комплекс, состоящий из жилища с пристройкой, железоплавильного горна и относящейся к нему ямы.

В отличие от Поднепровья на некоторых поселениях в верховьях Западного Буга (Рипнев II и III), во всех жилищах открыты глиняные печи, нижняя часть которых вырезана в материковом остане. Такие печи нам известны на двух славянских поселениях VI - VII вв., открытых в предместьях Вухареста (Беняс и Стреулешти-Майкенешти). Наличие на славянских поселениях VI - VII вв., печей, сооруженных с камня или глины часто объясняется присутствием вблизи соответственного материала. Нам кажется, что не совсем так. Известно, что начиная с VIII - IX вв., на территории славян печи-каменки постепенно заменяются глиняными печами, которые оказались более качественными и удобными. Глину, как строительный материал можно было добыть повсюду и в VI - VII вв. Мы полагаем, что сооружение каменных или глиняных

печей в VI - VII вв. связано с определенными уже склавшимися тогда традициями. В верховьях Западного Буга глиняные печи и очаги известны из поселений первой половины I тыс. н.э.

Кроме печей, в жилищах на ряде поселений (Зеленый Гай, Зозов, Костянец, Рашков) открыты так называемые летние печи и очаги возле построек, что также свойственно для памятников более раннего периода. Тоже можно сказать и о подпольных ямах, выявленных во многих полуземлянках Рашковского поселения, наиболее часто расположенных в одном из углов жилища.

Во многих жилищах выявлены ямы от столбов, которые закрепляли деревянную облицовку стен углубленной в землю части жилища, а также являлись опорой надземных стенок и крыши. Значительная часть жилищ не имеет столбовых ям. По-видимому, они имели срубные стены.

Основную часть материала, выявленного на славянских памятниках третьей четверти I тыс. составляет лепная посуда. Гончарной посуды на преобладающем количестве памятников нет. До недавнего времени исключение составляло поселение в Зеленом Гае, где было найдено несколько фрагментов гончарной керамики черняховского облика. В настоящее время таких поселений имеется больше (Устье, Рашков II, Кодин и др.), и все они расположены на Днестре. Отсутствие столовой посуды предположительно можно объяснить тем, что она делалась из дерева и не сохранилась.

Наличие непосредственных доказательств существования у славян в середине I-го тысячелетия токарного станка (в Зимно найден токарный резец и точенные мергельные пряслица) делает наше предположение вполне вероятным.

На всех памятниках преобладающую часть керамики составляют горшки, являющиеся на многих поселениях единственной формой посуды. На нескольких поселениях (Бовшев II, Незвиско, Городок, Зеленый Гай, Рашков и др.) имеются сковородки. В последние годы на поселении в Рашкове найдено значительное количество больших конических мисок, но они выступают в комплексах не ранее VIII в. Горшкообразные сосуды по форме и некоторым другим признакам подразделяются на ряд типов. Мы не ставили себе целью в настоящем докладе дать исчерпывающую классификацию керамики. Нам бы хотелось обратить внимание на нечто другое. Установлено, что в ранне-средневековых комплексах, датирующихся VI в.н.э. всегда имеются формы с низким еле отогнутым венчиком и выпуклым бочком, которые принято называть пражским типом. Некоторое время казалось, что эти горшки являются наиболее ранней и единственной формой славянской керамики. Однако, как показывают исследования последних лет, на славянских поселениях, которые несомненно заходят в V в., имеются и другие формы сосудов, более близкие и лепной посуде памятников первой половины I тысячелетия н.э.

Мы бы хотели проиллюстрировать настоящее положение материалами поселения в с. Зеленый Гай Залецицкого района Тернопольской области. На этом поселении открыто 8 славянских жилищ и другие объекты. Все жилища — это полуземлянки с печкой-каменкой, в одном случае с очагом.

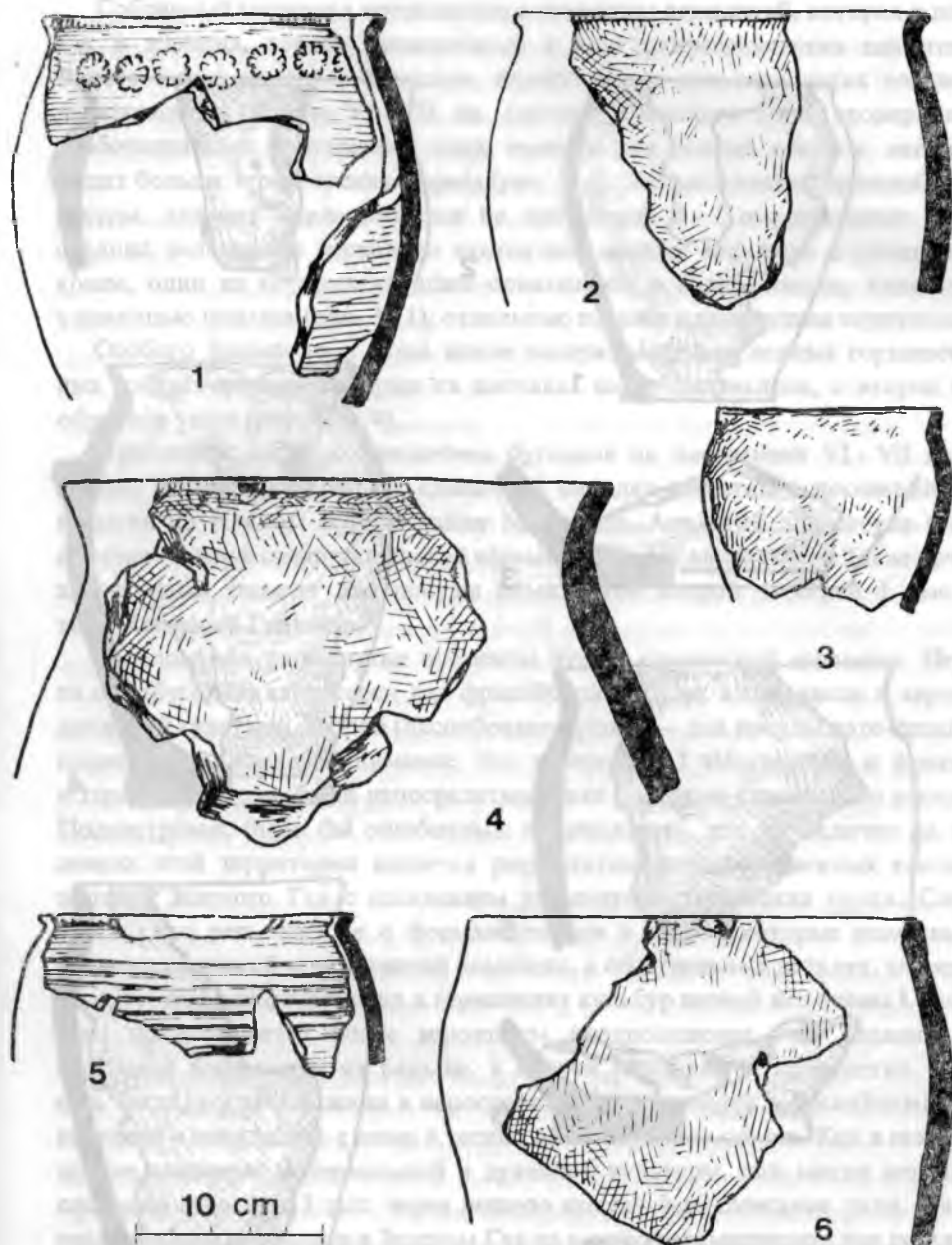

Рис. 3 Лепная и гончарная (5) керамика из поселения Зелёный Гай (жилище 4)

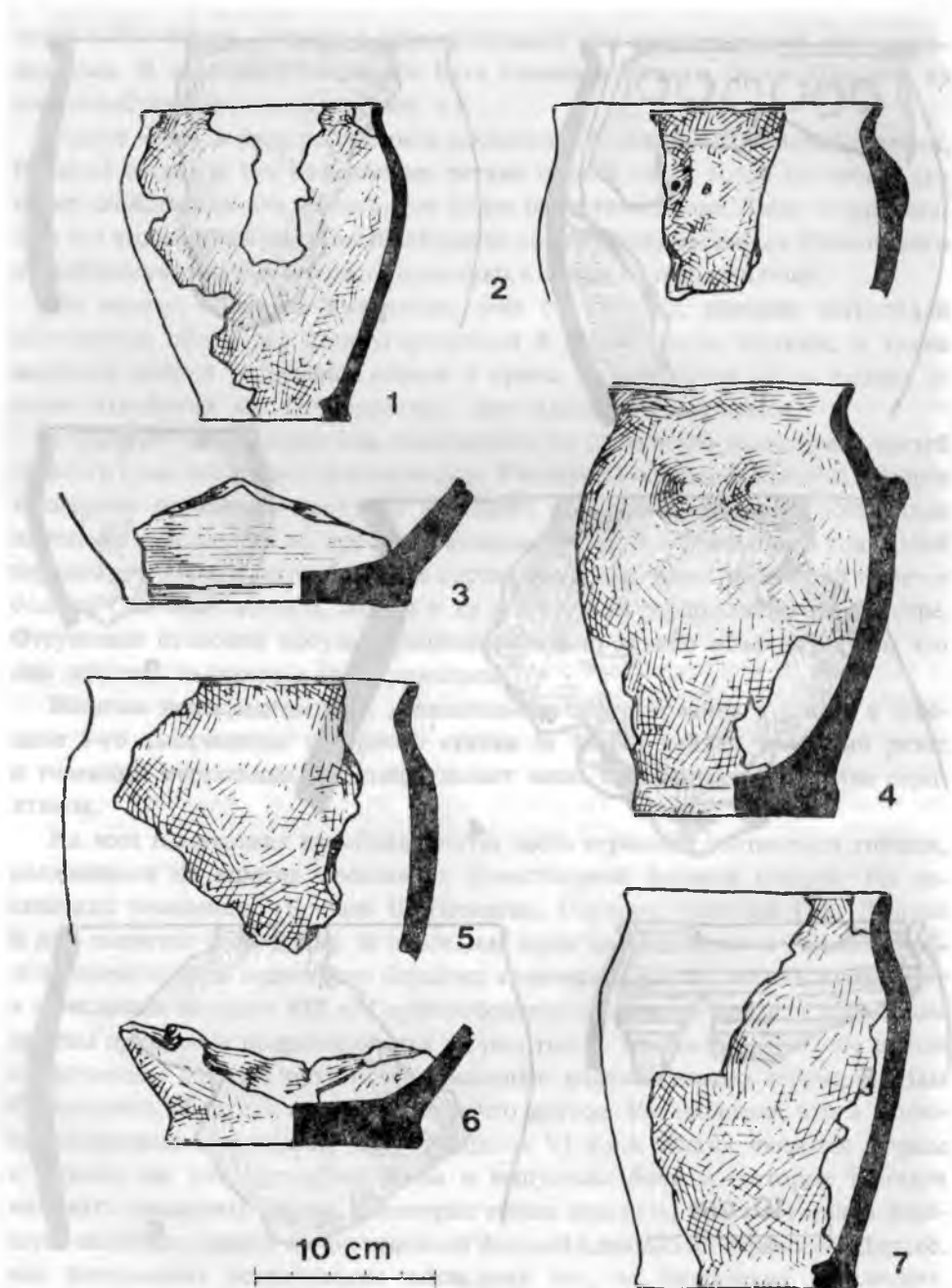

Рис. 4. Лепная и гончарная (3) керамика из поселения Зеленый Гай (1 - 3 — жилище 7, 4 — жилище 8, 5 - 7 — жилище 9)

Собранный материал представлен в основном керамикой, которая в целом, как и жилища, хорошо вписывается в круг раннеславянских памятников. Вместе с тем, наряду с формами, характерными для славянских поселений, датированных обычно VI - VII вв. (сосуды пражского типа, сковородки со слабо развитыми бортиками), здесь имеется ряд лепных сосудов, напоминающих больше черняховские формы (рис. 3, 4). Это маленькие горшкообразные сосуды, диаметр горла которых не превышает 5 - 7 см, кухонные горшки средних размеров с несколько отогнутым наружу венчиком с утолщенным краем, один из которых украшен орнаментом в виде розетки, нанесенным с помощью штампа (рис. 3 : 1), отдельные горшки с вытянутым корпусом.

Особого внимания в этом плане заслуживают два лепных горшкообразных сосуда, один из которых на плечиках имеет два налепа, а второй иксообразное ушко (рис. 4: 2, 4).

Фрагменты сосудов с наличием бугорков на поселениях VI - VII вв. выявлены не впервые. Они как единичные находки известны с поселений этого времени на Южном Буге, а также Молдавии. Аналогий для сосуда с иксообразной ручкой среди славянской керамики VI - VII вв. не знаем. Такие ручки — характерный элемент для посуды памятников второй четверти I тыс. н.э. типа Дытыныч-Тришина.

В целом оба упомянутые элементы чужды славянской керамике. Первый из них (бугорки) характерен для фракийской посуды, в том числе и керамики липицкой культуры, второй (иксообразное ушко) — для посуды гото-гепидских племен. Принимая во внимание, что в середине I тысячелетия и фракийцы и германцы уже не были непосредственными соседями славянского населения Поднестровья, было бы ошибочным предполагать, что их наличие на поселениях этой территории является результатом непосредственных контактов жителей Зеленого Гаю с населением упомянутых этнических групп. Следует учесть, что речь идет не о формах сосудов в целом, которые вписываются в раннеславянский керамический комплекс, а об отдельных деталях, элементах, характерных для фракийских и германских культур первой половины I тыс. н.э. Нам представляется более вероятным предположение, что славяне Поднестровья восприняли их раньше, в первой половине I тысячелетия н.э., то есть тогда, когда они жили в непосредственной близости с фракийцами и германцами и находились с ними в тесных экономических связях. Как и некоторые другие элементы материальной и духовной культуры, они могли передаваться славянам середины I тыс. через лепную посуду черняховского типа. На раннеславянском поселении в Зеленом Гаю их можно рассматривать как пережитки более раннего времени.

Нарисованная картина дополняется еще наличием на поселении в Зеленом Гаю отдельных фрагментов гончарных сосудов черняховского облика (рис. 3 : 5, 4 : 3). Они выявлены в печах, а также на полу жилищ и никак не могут быть исключены из данного керамического комплекса, тем более, что на указанном поселении поблизости нет каких-нибудь следов черняховского слоя. При этом следует напомнить, что отдельные гончарные сосуды черняховского типа были

найлены и в других раннеславянских памятниках, в частности на поселениях в Устье, Рашкове II на Днестре, в Кодыне на Пруте и на некоторых поселениях Южного Побужья, Молдавии и Румынии.

Важной особенностью керамического комплекса поселения в с. Зеленый Гай является сочетание в одних и тех же комплексах гончарной и лепной посуды, сохраняющей черты более раннего времени.

Все это позволяет заключить, что поселение в Зеленом Гае является как бы переходным типом от памятников второй четверти I тыс. н.э. к раннеславянским памятникам середины I тыс., а формы лепной славянской посуды, сохраняющие черты керамики черняховского типа, являются более ранними, чем формы пражского типа или Корчака. Повидимому, классическая форма славянского горшка пражского типа — это определенный этап в развитии славянской керамики, припадающий в основном на VI в. н.э. В VII ст. эта форма постепенно исчезает, керамика становится грубее, но разнообразнее.

В состав предметов материальной культуры, собранных на славянских поселениях, входят изделия из железа, бронзы, кости, камня, стеклянные бусы и др. Изделия из металла на открытых поселениях встречаются довольно редко, однако на городище в Зимно собрана большая коллекция металлических изделий — орудий труда, предметов быта и украшений. Тут найдены, кроме того, отливные формы, льячки, некоторые заготовки и полуфабрикаты, указывающие на наличие ремесленного производства.

Важное место в изучении славянских древностей занимают вопросы их датировки. Вопросы хронологии всегда связаны с определенными трудностями. Это в первую очередь относится к славянским памятникам третьей четверти I-го тысячелетия, большинство из которых не имеет хорошо датированных вещей.

В настоящее время уже нет сомнений в том, что славянские памятники с характерной лепной посудой составляют определенный этап в историческом развитии славян. Они на нашей территории характерны для послечерняховского времени, до появления где-то в VIII веке керамики, обточенной на примитивном круге. Это подтверждается и стратиграфически, в частности, на поселениях в Незвиско и Рипчеве I. Учитывая всю сумму находок на славянских памятниках с лепными комплексами на территории Верхнего Поднепровья и Западной Волыни, их можно датировать в пределах VI - VII вв. Наиболее ранние из них (Зеленый Гай, Устье, Кодын, Рашков II), где имеется еще ряд форм лепной, а также гончарной посуды, характерной для черняховского времени, возникли, по-видимому, уже в конце V в. На это указывает и фибула V в. найденная на поселении в Кодыне вблизи Черновиц¹. Эти памятники на очерченной территории разделяются на две хронологические группы. Более ранняя группа, к которой, на наш взгляд, относятся такие поселения, как Зеленый Гай, Рипнев II, Рипнев III, Бовшев I, городище в Зимно и др., прекращает свое существование в VI-середине VII вв. Вторая группа

¹ И. П. Русанова, *Классификация керамики типа Корчак* (в настоящем томе, стр. 93-100).

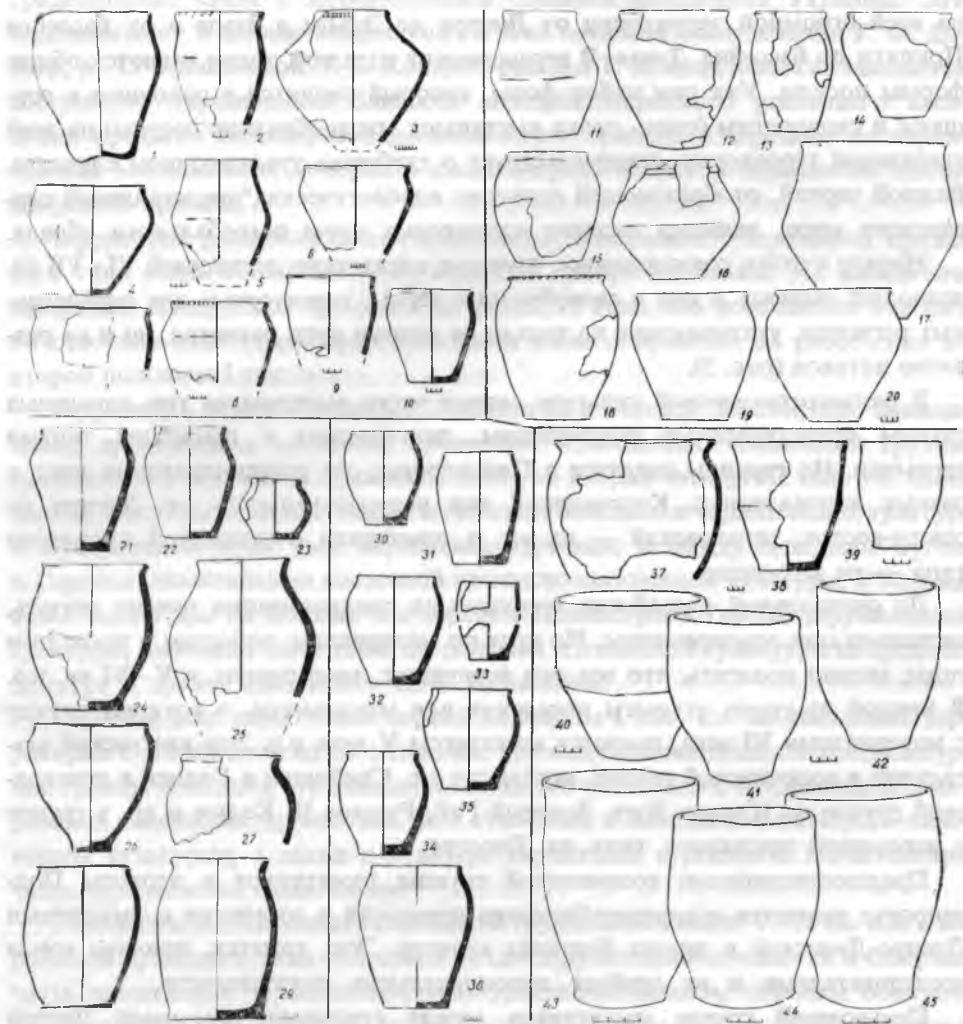

Рис. 5. Лепная керамика из памятников позднезарубинецкой культуры (1 - 10), черняховской культуры (21 - 29), пражского типа (30 - 36), пенского типа (11 - 20), колочинского типа (37 - 45)

памятников (поселения в Городке, Лежнице, Демьянове I, некогорые комплексы в Незвиско, Бовшье II, погребения в Звизяче) не может быть датирована более ранним временем, чем VII в. н.э. Поселение в Ращкове I еще более позднее.

Сравнение славянских памятников VI - VII вв. Западной Волыни и Поднепровья с синхронными древностями славян из других районов позволяет заключить, что славянская материальная культура в указанное время еще сохраняет свое внутреннее единство. Общие элементы культуры существуют наряду с элементами, характерными для определенных локальных районов. Они наблюдаются в первую очередь в жилищном строительстве, одинаковом

на всей огромной территории от Днепра до Эльбы и Заале и от бассейна Припяти до бассейна Дуная. В керамических изделиях также имеются общие формы посуды. Уже сам набор форм, который сводится в основном к горшкам и сковородам (очень редко выступают мискообразные сосуды) на всей славянской территории, свидетельствует о глубоком традиционном единстве. Важной чертой, отображающей единство идеологических представлений славянского мира, является наличие одинаковых норм погребального обряда.

Наряду с этим, сравнительное изучение славянских древностей VI - VII вв. позволяет выявить в них и своеобразные черты, характерные для определенных регионов, указывающие не только на разные пути развития, но и на различие истоков (рис. 5).

В раннесредневековой культуре славян четко выделяются три локальных группы представленные колочинским, пеньковским и пражским типами керамики. Их границы сходятся в Поднепровье, но распространение идет в разных направлениях. Колочинский тип распространяется от Днепра на северо-восток, пеньковский — на юг, а памятники с керамикой пражского типа — на юго-запад.

До специальной разработки вопросов их синхронизации трудно сказать, насколько они одновременны. Но судя по материалам, добытым в последние годы, можно полагать, что все они возникают, несомненно, в V - VI вв. н.э. В каждой из групп открыты поселения или могильники, в которых наряду с материалами VI века, имеются комплексы V века н.э. Это кветунский могильник в колочинской группе, поселения у с. Скибинцы и Голики в пеньковской группе на Южном Буге, Зеленый Гай, Рашков II, Кодын и др. в группе с керамикой пражского типа на Днестре.

Предшественниками колочинской группы памятников в верхнем Поднепровье являются позднезарубинецкие древности в сочетании с элементами Днепро-Двинской и других балтских культур. Это, кажется, принято всеми исследователями и не требует дополнительных доказательств.

Пеньковской группе памятников между средними течениями Днепра и Днестра предшествовали черняховские древности. Характер их материалов не дает оснований полагать, что памятники типа пеньковки сформировались лишь на основании последних. Пеньковские древности значительно ближе стоят к позднезарубинецким памятникам Киевского Поднепровья, что наблюдается и в жилищном строительстве (жилища иногда с центральным столбом), в погребальном обряде (безурновые трупосожжения) и особенно в керамике, в которой выразительны биконические формы.

Однако, учитывая наличие существенных различий в форме керамики колочинского и пеньковского типов памятников, несмотря на одновременность их сложения, следует полагать, что кроме позднезарубинецкой общей основы в их формировании принимали участие совершенно различные культурные элементы. Так же, как для колочинской группы, не вызывает сомнения наличие балтского культурного элемента, так для пеньковской — элементов местной черняховской культуры, особенно той части, которая удерживала

традиционные связи с юго-восточным степным населением Украины. Это подтверждают и данные антропологии. Как показали исследования Г. Ф. Дебеца, М. С. Великановой, Т. С. Кондукторовой и Т. И. Алексеевой наблюдается совершенно определенная близость мезодолхокранного узколицего населения Среднего Поднепровья древнерусского времени с черепами из черняховских могильников, которые в свою очередь близки к черепам из могил скифского времени².

Территория распространения славянских памятников с керамикой пражского типа очень обширная — от верхнего Днепра до Эльбы. На западе эти памятники датируются временем не ранее VI века, что несомненно говорит об освоении этой территории славянами лишь в процессе их расселения во второй половине I тыс. н.э.

Территория между Припятью, Карпатами и верхней Вислой, где, повидимому, происходили процессы, приведшие к сложению славянской группы памятников с керамикой пражского типа, во второй четверти I тыс. н.э. была занята, в основном, памятниками позднезарубинецкой и черняховской культур; в Предкарпатье культурой карпатских курганов, а между западным Бугом и Горинью памятниками восточной поморско-мазовецкой культуры. В первых веках нашей эры на Волыни и в верхнем Поднепровье, кроме зарубинецкой культуры, бытовали памятники пшеворской и липицкой культур, а на среднем Днестре и южнее памятники типа Лукашевки.

Изучение всех памятников первой половины I тыс. н.э. на указанной территории и расчленение их на отдельные хронологические этапы и этнокультурные группы показало, что большинство из них не связано с процессами формирования славянских древностей. Это относится к липицкой и поморско-мазовецкой культурам, а также к культуре карпатских курганов и значительной части черняховских памятников.

Типологически близкими к славянской группе памятников V-VI вв. н.э. с керамикой пражского типа оказались позднезарубинецкие древности и северная часть памятников черняховской культуры, сложившаяся, главным образом, на основании последних и юго-восточной группы пшеворской культуры. Элементы керамики зарубинецкой и пшеворской культур сочетаются в ряде памятников верхнего Поднепровья и Побужья уже в I четверти I тыс. н.э. (Ремезовцы, Подрижье — нижний слой, Подберезицы, Вербковицы, Чижки), а также в черняховских комплексах (Черепин, Незвиско, Демьянов и др.).

Практически наиболее близкие формы к керамике пражского типа (сосуды без венчиков и с низким еле отогнутым венчиком) появляются в ранних комплексах пшеворской культуры. Но эти формы бытуют тут недолго. В позднешеворских памятниках они уже не встречаются. Их дальнейшее развитие во второй четверти I тыс. н.э. хорошо прослеживается в северо-западной группе

² Т. И. Алексеева, *Этногенез восточных славян по данным антропологии*, Москва 1973, стр. 256; Г. Ф. Дебец, *Палеоантропология СССР*, Москва—Ленинград 1948, стр. 164 - 165; В. В. Седов, *Славяне Среднего Поднепровья*, Советская Этнография, 1974, нр. 1, стр. 16 - 31.

черняховских древностей типа Бовшева II, Черепина и др., от которых передаются славянам раннего средневековья. На наиболее ранних памятниках пражского типа на Днестре (Зеленый Гай, Кодын, Устье, Сжол, Рашков II) в одних и тех же комплексах вместе с лепной выступает в незначительном количестве гончарная посуда черняховского времени. Общие черты прослеживаются и в жилищном строительстве, и в какой-то мере погребальном обряде.

Таким образом, сложению славянской культуры раннего средневековья предшествовали глубокие и сложные этнокультурные процессы, втянувшие в свой круг кроме зарубинецкой и значительной части черняховской также другие культурные группы, что выразилось в специфике ее керамических комплексов, представленных пражским, пеньковским и колочинским типами.

Схема предложена Й. Вернером³, согласно которой все группы славянских древностей возникают лишь на одной позднезарубинецкой подоснове, не может быть принята. Главным ее недостатком являются ложные представления автора об одноэтничности черняховской культуры, которую он считает готской, а в связи с этим, о хиатусе, который должен был образоваться в V веке н.э. в лесостепной полосе Восточной Европы, после изгнания готов гуннами. Конечно, готы, занимавшие во второй четверти I тыс. н.э. в основном прибрежные районы Северного Причерноморья были изгнаны гуннами. Но они составляли лишь незначительную часть населения черняховской культуры, в составе которой были и другие племена — поздние скифы, сарматы, славяне и фракийцы. Часть этого населения несомненно осталась и приняла участие в формировании славянской культуры раннего средневековья.

Наши выводы подтверждаются данными лингвистики. Именно в районах стыка зарубинецкой, черняховской и юго-восточной группы пшеворской культуры между Припятью и средним Днепром, верховьями Днестра и Вислы согласно исследованиям О. Н. Трубачева, лежит сплошной пласт древних славянских гидронимов и топонимов⁴. Можно полагать, что хронологически они вяжутся с указанными культурами, поскольку в тех районах, где славяне поселяются позже, во второй половине I тыс. н. э. последние, как правило, отсутствуют. По-видимому, славянские пришельцы пользуются тут уже существующими названиями.

Таким образом, анализ археологических материалов и сопоставление их с лингвистическими и антропологическими данными убеждает, что территория славян в первой половине I тыс. н.э. была обширной и занимала не только свободную от балтов часть Белоруссии, как полагает Й. Вернер, но и обширные области лесостепной полосы между средним Днепром и верхней Вислой.

³ Й. Вернер, *К происхождению и распространению антов и склавинов*, Советская Археология, 1972, нр. 4, стр. 102 - 115.

⁴ О. Н. Трубачев, *Названия рек Правобережной Украины*, Москва 1968.